

Е. В. ДУШЕЧКИНА

Статейный список царя Алексея Михайловича о болезни и смерти патриарха Иосифа

В конце мая 1652 г. Алексей Михайлович написал Никону, тогда еще новгородскому митрополиту, послание, в котором рассказывает о перенесении мощей патриарха Иова из Старицы в Москву, о болезни и смерти патриарха Иосифа и о том, как он, царь, «строил душу» покойного патриарха. Никон в это время возвращался с Соловков, куда он был послан за мощами митрополита Филиппа. Он выехал из Москвы 20 марта, вскоре после того, как царь и священный собор положили перенести мощи святителей Гермогена, Иова и Филиппа в Москву и установить их в недавно поновленном Успенском соборе рядом с другими московскими святынями*.

За время отсутствия Никона в Москве произошли крупные и тревожные события. 5 апреля, через пятнадцать дней после отбытия Никона на Соловки, из Старицы в Москву были перенесены останки патриарха Иова, некогда изгнанного поляками из Москвы, и установлены в Соборе Успения Богородицы. В этой церемонии принимал участие сам царь, который ездил встречать торжественную процессию к Тверским воротам**. Мощи Иова были открыты для свидетельства и, как говорили, уже начали творить чудеса. 11 апреля, на Вербное воскресенье, престарелый и уже неделю как тяжело больной патриарх Иосиф служил в соборе, после чего у него был стол, на котором присутствовали знатные бояре и церковные власти***. Здоровье патриарха резко ухудшалось с каждым днем, а 15 апреля он скончался, как

* См.: Выходы Государей царей и Великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев. (С 1632 по 1682 год.) М., 1844. С. 255; Дворцовые разряды. (С 1645 по 1676 г.) Т. III. СПб., 1852. Стлб. 300–301.

** См.: Дворцовые разряды. Т. III. Стлб. 306.

*** Там же. См. также: Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 2. С. 75.

говорили впоследствии, от апоплексического удара*. Патриарший престол оказался свободным. О смерти патриарха уже давно если и не мечтали, то, во всяком случае, говорили и надеялись на нее. Иосиф в последние годы служил, по выражению В. О. Ключевского, «жалким статистом на придворной сцене»**. Царь и его духовник Стефан Вонифатьев, глава кружка ревнителей древнего благочестия, к этому времени, видимо, уже оговорили вопрос о его преемнике*** — по их мнению, лучшей кандидатуры, чем Никон, на это место не было. И вот патриарх умер, а до возвращения Никона было далеко — он только еще ехал на Соловки. Все вышеописанные события и легли в основу послания, мимо которого никогда не проходили исследователи времени царствования Алексея Михайловича. Его использовали как источник сведений для взаимоотношений Никона и двадцатитрехлетнего царя, на него опирались исследователи истории раскола, оно являлось иллюстрацией к оценке характера «тишайшего государя»**** и т. п. И все авторы, как один, восхищались слогом этого, по словам С. М. Соловьева, «драгоценного письма», непринужденной манерой писания, начитанностью его автора, психологизмом, искренностью и проникновенностью. П. Бартенева, публикуя послание Алексея Михайловича, называет его «одним из самых замечательных памятников древней русской словесности»*****. И тем более удивительно, что специальному анализу этот текст никогда не подвергался.

* Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. Изд. 2-е. СПб. 1827. Т. 1. С. 313.

** Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 3. С. 303.

*** Свидетельством острых разногласий между кружком Стефана Вонифатьева и патриархом, доходивших до личных оскорблений, может служить опубликованная Н. Ф. Каптеревым челобитная Иосифа царю (См.: Православное обозрение. 1887. Декабрь. С. 786–799). См об этом также: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1.

**** См., например, работы: Зернин А. Царь Алексей Михайлович. Историческая характеристика из внутренней истории России XVII столетия // Москвитянин. 1854. № 17; Медовиков П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854; Забелин И. Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы // Забелин И. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1; Хмыров М. Царь Алексей Михайлович и его время. Нравоописательный очерк // Древняя и новая Россия. 1875. Октябрь; Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. XVII столетие. Вып. IV; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. Т. 9–10.

***** Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему заметкою С. Т. Аксакова. Издал. П. Бартенева. М., 1856. С. 56. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в скобках.

Впервые послание Алексея Михайловича было опубликовано в 1836 г. в 4-м томе «Актов, собранных Археографической экспедицией», откуда было перепечатано арх. Аполлосом¹ в его книге «Начертание жития и деяний Никона» (М., 1845), и наконец, в 1856 г. появилось в «Собрании писем царя Алексея Михайловича» П. Бартенева², издании, может быть, и недостаточно компетентном, но безусловно важном в культурно-историческом аспекте: это была первая, хоть и далеко не исчерпывающая, сводная публикация сочинений царя Алексея. Сборник, предназначался для широкой читательской публики, и, несмотря на то, что дал повод для вполне справедливой критики И. Забелина, сыграл положительную роль.

Археографическая комиссия, а вслед за нею арх. Аполлос и П. Бартнев воспроизводили не подлинный текст Алексея Михайловича, а копию с него, снятую в XVII веке. Подлинник послания до сих пор остается неизвестным.

Настоящая работа представляет собой опыт интерпретации послания Алексея Михайловича как текста литературного. Литературным произведением в современном значении этого понятия, разумеется, назвать его нельзя. Сочинение царя Алексея — произведение сугубо личное, написанное только для Никона, что царь тщательно оговаривает, прося Никона хранить в тайне как само послание, так и его содержание: «И тебе б, владыко святыи, пожаловать сие писание сохранить и скрыть в тайне, ее пожаловать тебе великому господину прочесть самому...» (184). Но, тем не менее, царь, имевший всегда, а особенно в ранние годы своего царствования, склонность к литературному труду, о чем свидетельствуют многие документы, к этому своему сочинению отнесся с особым рвением и безусловно тщательно обдумывал не только то, о чем он писал, но и самцу манеру изложения.

Вопрос о жанре послания Алексея Михайловича Никону никогда не ставился. В исследовательской литературе оно обычно называется письмом, хотя никаких специфических признаков этого жанра древнерусской письменности XVII века, которые царь всегда строго соблюдал, обнаружить в нем нельзя*. Да и сам автор воспринимал его иначе: оно было отправлено в качестве приложения к письму, в котором Алексей Михайлович сообщает Никону о тех же событиях, но при этом строго следуя установленному канону. Царь называет свое произведение статейным

* См., напр.: Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. V. Письма царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенева. М., 1896.

списком*, что тоже не соответствует давно закрепленному представлению о статейных списках как об отчетах послов. Назвав так свое послание, Алексей Михайлович тем самым распространяет этот термин на отчет вообще, каковым оно несомненно является. Ведь рассказ о перенесении мощей Иова, о болезни и смерти Иосифа и переписи его имущества действительно представляется подробным отчетом Алексея Михайловича как о своей деятельности, так и о деятельности церковных и светских властей за время отсутствия Никона. То, что подобного рода отчет адресовался именно Никону, неудивительно. Никон к этому времени уже давно был «собиным другом» царя; они не только часто встречались для бесед, но и в бытность Никона новгородским митрополитом вели активную переписку**, причем царь относился к Никону, как к старшему и многоопытному другу, с несомненным пиететом. Кроме того, после смерти патриарха Иосифа Никон, как уже говорилось, был, по существу, единственным претендентом на патриарший престол и следовательно — первым духовным лицом в государстве. Поэтому естественно, что именно у него Алексей Михайлович, строгий блюститель церковных служб, спрашивал в следующем своем письме, кому вместо умершего патриарха и как петь многолетия***, и именно ему посылает подробный отчет об апрельских событиях, носящий исповедальный характер, о чем пишет сам царь, называя послание своей духовной исповедью: «а я к тебе, владыко святой, пишу духовную» (183). Тщательно описывая свои собственные действия и действия церковных властей, царь указывает на все нарушения обрядов и устава, которые имели место за время отсутствия Никона, и просит у него прощения и отпущения этих «грехов». Послание Алексея Михайловича явилось, таким образом, своего рода исповедью, написанной в форме подробного отчета, адресованного к будущему патриарху.

* Копия списка имеет следующий заголовок: «Список с статейного списка слово в слово, о перенесении мощей в царствующий град Москву Иева, патриарха московского и всеа Руси чудотворца, и о преставлении Иосифа, патриарха московского и всеа Руссии, каков статейный список прислан от государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии, на дорогу, едучи с Соловков, к великому господину преосвященному митрополиту великаго Новаграда и Великих Лук, с московским сотником».

** См.: *Медовников П.* Историческое значение царствования Алексея Михайловича. С. 191.

*** «И ты отпиши к нам, великий святителю, — пишет царь Алексей, — так ли надобеть петь, или как инак петь надобно, и как у тебя святителя поют, и то отпиши к нам» (211).

Статейный список Алексея Михайловича с точки зрения содержания распадется на четыре части. Вначале царь описывает перенесение в Москву мощей Иова, свое участие в этой церемонии, свои впечатления от нее; большая и наиболее интересная в литературном отношении часть посвящена описанию хода болезни и смерти Иосифа; далее Алексей Михайлович подробнейшим образом рассказывает, как он «строил душу» скончавшегося патриарха: описывал его многочисленное имущество и раздавал милостыню церковному клиру на поминование души покойного, и, наконец, в конце текста царь сообщает Никону внутри и внешнеполитические новости и укоряет его за насильное понуждение людей, ездивших с ним на Соловки, соблюдать все строгости поста и религиозного обряда.

При составлении статейного списка Алексей Михайлович несомненно ориентировался на те нормы литературного этикета, которых требовала каждая из тем четырех частей повествования. Алексею Михайловичу, известному начетчику в тестах древней русской письменности, нормы эти были прекрасно известны, и он их, как правило, строго придерживался. Что же касается статейного списка, можно говорить не столько о соблюдении правил, сколько о некоторой ориентации на них. Здесь они лишь слегка намечены и ощущаются более как воспроизведение норм этикета миропорядка и поведения, чем соблюдение этикета словесного*.

Удобнее всего продемонстрировать эту особенность статейного списка на первой его части. Она вызывает аналогию с житийными и летописными рассказами о перенесении мощей святых угодников, традиции которых Алексей Михайлович следует в своем письме к князю Н. И. Одоевскому, написанному 3 сентября 1653 г. Рассказывая в нем о принесении в Москву мощей митрополита Филиппа, царь вводит все подходящие данной теме мотивы: раку со святыми мощами принимает «на свои главы с великою честью» царь и московские власти, на встречу с мощами выходит множество людей, «и от великаго плача и вопля безмерной стон был», тут же силами мощей начинают свершаться многие чудеса, подробное описание которых с указанием на свидетелей дается в тексте и т. п. Новый московский «светильник» Филипп награждается многочисленными эпитетами, стиль рассказа в целом цветист и пышен. Таким образом, реальное событие, в котором принимал участие царь, и которое совершалось по всем правилам ритуала, Алексей Михайлович целиком описывает в рамках литературного этикета. В статейном списке наблюдается

* Определение этих понятий см.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 108.

другое. Здесь царю важнее было показать, насколько все происходившее в действительности, приличествовало ситуации перенесения мощей, чем дать описание по всем правилам. И этого принципа Алексей Михайлович придерживается на протяжении всего текста: пишет ли он о церемонии встречи мощей Иова, о смерти патриарха, или же дает отчет о своей деятельности в роли душеприказчика.

Начало статейного списка написано в значительной степени в форме протокольной записи:

«Нынешняго 160 году, принесли великаго святителя Иева патриарха мощи, Апрелия в 5 день, в понедельник шестые недели, часы в отдачу денные, в монастырь к Пречистой Богородицы Страстныя; а встречать посланы его святые мощи власти (идет перечисление властей. — *Е.Д.*), да со властью встречали: бояре наши (идет перечисление бояр. — *Е.Д.*) а встречали те его честные мощи в селе Тушине, за двенадцать верст до Москвы, по Иосифовской дороге а из Тушина несли на главах стрельцы до самой Москвы» (156–157).

Часть эта напоминает запись на ту же тему в Дворцовых разрядах, которые явились, по словам И. Забелина, летописью правительственной и служебной деятельности в России во все продолжение московского периода нашей истории»*. Правда, уже здесь в текст Алексея Михайловича после первых сугубо протокольных строк начинают проникать личные наблюдения, собственные впечатления, повествование разнообразится описанием событий, сопутствующих церемонии, но строго к ней не относящихся. Царь сообщает, что на встречу мощей вышло множество народа: «и многолюдно таково было, что не вместилися от тверских ворот по неглиненския ворота, и по кровлям, и по переулкам яблоку негде было упасть, а пожар весь занят людьми пешими, нельзя ни пройти, ни проехать» (157). По причине такого скопления людей, как пишет далее Алексей Михайлович, пришлось запереть Кремлевские ворота: «а кремль велел запереть, ин и так на злую силу пронесли в собор: такая тес-

* *Забелин И.* Разрядные книги // *Забелин И.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 466. Ср. с текстом «Дворцовых разрядов» на ту же тему: «Того же месяца апреля в 5 день послал Государь встречать мощи святейшаго Иева, патриарха Московского и всеа Руси, по Волоцкой дороге, к Спасу на Восток: (идет перечисление посланных лиц. — *Е.Д.*). И как встретят мощи святейшаго Иева патриарха, и указал Государь к себе государю отписать <...>. А как мощи принесли под Москву и поставили за Тверскими вороты в Девичье монастыре у Богородицы страстной со кресты» (Дворцовые разряды. Т. III. Стлб. 504).

нота была, старые люди говорят, лет за семьдесят не помнят такой многолюдной встречи» (157). Традиционная «многолюдность», такая, что «яблоку негде упасть», необходимая деталь в рассказах о встрече мощей, имеющая своей целью подчеркнуть популярность, переносимого в собор святого, превращается в «тесноту», против которой приходится принимать меры (записать Кремль), что, хоть в малой степени, но все же способствует пронесению мощей Иова в собор. Ссылка на мнение стариков проводит параллель между совершающимся богоугодным делом и каким-то другим, бывшим лет семьдесят назад, но оно не названо, и неизвестно потому, достойно ли сравнения с нынешним; параллель здесь чисто внешняя: и там, и там многолюдность встречи. Далее Алексей Михайлович подробно описывает установление мощей в соборе; при этом его внимание привлекает не только сама церемония возложения нетленных останков Иова, но и подробности отнюдь не ритуального порядка: «И пришедши поставили в ногах у Иасафа патриарха, на мосту, на верху, и оклали кирпичем, а сверху доска положена, а не заделана для свидетелства» (158). О чудесах сказано коротко и сдержанно: «а чудеса от него есть» (158). Царь передает и тот разговор с патриархом Иосифом, который произошел у него при этом. Патриарх, плакавший «мало не во всю дорогу до самого собору» (это единственные слезы в обычно многослезной церемонии) спрашивает у государя: «кому де в ногах у него лежать?» И я молвил: «Ермогена тут положим». И он государь молвил: «пожалуй де, государь, меня тут грешнаго погресть» (158). Составляя это письмо Алексей Михайлович уже знал, что десять дней спустя Иосиф умрет, поэтому и разговор с патриархом всплывает в его сознании в освещении последовавших за ним событий. Слова Иосифа о желании быть погребенным рядом с мощами Иова воспринимаются царем как пророчество, о чем он и пишет Никону: «и как отец наш преставися, и я грешный вспомянул его государевы слова, как мне приказывал, где велел себя положить, и место выпросил, только дня не ведал, в который день Бог изволит взять, а мне грешному его святительские слова в великое подивление, как есть он государь пророк пророчествовал себе про смерть ту свою» (158).

Описание этого разговора в статейном списке Алексея Михайловича явилось естественным переходом к рассказу о болезни и смерти патриарха: «да с тех мест и заболел лихорадкою» (158). С этого момента все внимание царя (по крайней мере, в послании Никону это выглядит так) приковано к Иосифу. Тщательность описания, внимание к малейшим движениям, словам, жестам умирающего патриарха поразительны.

В исследовательской литературе отмечалось, что описание последних дней князей (в летописях) и святых (в житиях) очень рано перестают соответствовать нормам литературного этикета. Тема смерти нередко вызывает у авторов подробности совсем не этикетного характера, значение придается каждой мелочи, каждой детали, приводятся предсмертные речи умирающего и т. п. С подобного рода явлениями можно встретиться и в летописи*, и в житиях. Такова «Записка» Иннокентия о последних днях жизни Пафнутия Боровского, на которую обратил внимание и которую с интересующей нас точки зрения проанализировал Д. С. Лихачев**. Иннокентий писал о Пафнутии во второй половине XV века, и писал он не житие, а именно записку — «материалы для биографии», по выражению Д. С. Лихачева, которые впоследствии могли бы послужить основой для жития. И в этом отношении Иннокентий не относился к своему труду как к труду литературному. Но, тем не менее, его описание можно считать памятником, в своем роде исключительным***. Показывая последние восемь дней жизни Пафнутия Боровского, Иннокентий, безусловно, не только проявил себя человеком крайне наблюдательным, но и художником, сумевшим справиться с той задачей, которую он сам перед собой поставил****.

Алексей Михайлович писал о смерти Иосифа намного позже — почти через двести лет. Литература к этому времени стала значительно менее зависеть от норм этикета, и поэтому он в меньшей степени мог испытывать на себе силу штампа. Но надо помнить и другое — что из себя представлял двадцатитрехлетний государь, воспитанный в строго церковном духе, обладавший обостренным чувством религиозности и обостренным эстетическим отношением

* Правда, вплоть до XVII века достаточно широко встречаются и сугубо традиционные описания смерти. См., напр., сообщение о смерти царя Михаила Федоровича (Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал Попов А. М., 1869. С. 210.

** См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970. С. 19–130. Записка Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского опубликована впервые В. О. Ключевским в его книге «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871. С. 435–453).

*** «Чуждый риторике», «невежда» Иннокентий считал своим долгом точно воспроизвести «святого и великого отца нашего Пафнутия» и создал благодаря этому необыкновенно выразительный образ больного старика...» (Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 420.

**** «...В этой записке налицо такие явления, литературного ряда, которые осознанно вступают в литературу значительно позднее» (Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. С. 129).

к церковной обрядности, которую он прекрасно знал и любил*. Об этой его черте свидетельствуют многие документы, записки иностранцев, встречавшихся с Алексеем Михайловичем и письма его, где он порою либо описывает церковный обряд, либо пытается уточнить свои сведения о нем. Зная об этой особенности царя и о степени его начитанности, можно не сомневаться, что он имел достаточно ясное представление о том, как подобает писать о смерти патриарха**. На этот стиль он иногда и перебивается, начав вдруг причитать, называть всех оставшихся овцами, лишившимися своего пастыря. Здесь у него появляется нужная в данной ситуации манера письма, ритмика литературных плачей, описания подобающих жестов и поведения людей: «кто преставился, да к таким дням великим кого мы грешные отбыли; яко овцы без пастуха не ведают где деться, так то мы ныне грешные не ведаем, где главы преклонити, понеже прежняго отца и пастыря отстали, а нового не имеем» (167). Но большая часть повествования о смерти Иосифа написана непосредственно, с точки зрения наблюдателя, тем стилем, который В. В. Виноградов вслед за Аввакумом называет «вяканьем» — то есть стилем непринужденной, свободно льющейся беседы***.

* См.: «В отношении внешних действий религиозности царь стоял, может быть, выше всех из своих современников (Забелин И. Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы. С. 331); «Особую мягкость, особую привлекательность природе Алексея, поступкам его сообщала глубокая религиозность, которая проникала все его существо (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. С. 609. Кн. V. Т. 9–10.

** См. уже упомянутое выше письмо Никону, приложением к которому служит статейный список: «Да буди тебе великому святителю ведомо: за грехи всего православнаго христианства, но и паче за мои окаянные грехи, Содетель и Творец и Бог наш изволил взять от здешняго прелестнаго и лицемернаго света отца нашего и пастыря великаго господина кир Иосифа, патриарха московскаго и всея Руси, изволил его вселити в недра Авраама и Исаака и Иакова, и тебе б отцу нашему было ведомо; а мати наша, соборная и апостольская церква, вдовствует, зело слезно и вельми сетует по женихе своем, и как в нее войтить и посмотреть, и она, мати наша, как есть пустынная голубица пребывает, немущи подружия: так же и она, немый жениха своего, печалует» (152–153).

*** Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития прот. Аввакума // Русская речь. Пг., 1923. Вып. I. С. 208–209. Общность письма Алексея Михайловича с аввакумовским стилем можно проследить во многом. Царь так же, как и Аввакум, нередко отступает от непосредственного предмета своего повествования, и, желая снова вернуться у нему, пишет: «Дозде да возвращащуся на преждереченное, да об отце своем повесть докончаю» (161); А отзде да возвратимся на преждереченное» (168). Так же, как и Аввакум, Алексей Михайлович часто употребляет в своем сочинении пословицы и разного рода фразеологизмы: «вчераь здорово, а ныне мертвы» (160); «И тот говорит во всю голову кричит» (169); «От земли создан

Обратимся теперь к той части послания, где описывается болезнь и смерть патриарха Иосифа. Рассказ об этом охватывает достаточно ограниченный период времени — неделю с 11 по 17 апреля. Календарные даты Алексей Михайлович не ставит — с этим мы встречаемся только в начале списка. В остальном указания на время даются по названиям дней недели, церковных праздников и часов служб, так что читатель порою с точностью до получаса может знать, когда совершалось описываемое событие. Строгая фиксация времени протекания событий оказывается для царя, пишущего Никону отчет, чрезвычайно важной, и он ни разу не отступает от этого принципа повествования. В Вербное воскресенье Иосиф, «на злую силу ездит на осляти», в понедельник и во вторник Алексей Михайлович посылает справиться о его здоровье, в тот же вторник Иосиф последний раз находится при исполнении своих обязанностей — ездит отпевать жену Ивана Григорьева. В среду он не был уже ни у заутрени, ни у обедни. Вечером в среду Алексей Михайлович едет навестить больного патриарха. Утром в четверг Иосиф, который уже почти не в состоянии говорить, исповедуется у своего духовного отца, над ним совершается обряд соборования и причащения, «осмаго часа в полы» (то есть по нашему счету около двух часов дня) патриарх умирает. В пятницу его отпевают, в субботу «в одиннадцатом часу дни» состоится погребение. В среду, четверг, пятницу и субботу дан значительно более дробный счет времени. Таким образом, все описанные Алексеем Михайловичем события совершались на одной неделе — на неделе перед пасхой, называемой Страстной. Это достаточно случайное обстоятельство не могло не отложить печати на все повествование. На седьмой неделе Великого поста церковь вспоминает страдания Христовы, и царь несколько раз напомина-

и в землю идет, чего бояться?» (170); «потому и милостина нарицается, что всем ровна, какова первым, такова и последним» (181); «Учить премудра премудрее будет, а безумному мозилие³ ему есть» (183). Широко употребляет царь Алексей и просторечия: «яблоку негде было упасть», «нельзя ни пройти, ни проехать», «на злую (великую) силу» (6 раз), «я в двери, а он в другие», «едва с ног не свалился» и др. Как Аввакум называет свой стиль «вяканьем», так и Алексей Михайлович называет свое сочинение «рукописанием непутным и несогласным» (184). Все такого рода примеры показывают, что тот стиль, в основе которого лежит автобиографизм и который до сих пор усматривали только в литературе раннего старообрядчества, распространен был значительно шире, в частности — при дворе. Об общих чертах стиля Аввакума и Алексея Михайловича, касающихся сходства реально-бытового характера художественной детали см.: *Демин А. С. Реально-бытовые детали в Житии протопопа Аввакума (К вопросу о художественной детали) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971. С. 232–233.*

ет, на какие дни пришлись описываемые им события: «а се к таким великим дням стало» (167); «да к таким дням великим кого мы грешные отбыли» (167). Более того — погребение Иосифа состоялось в Страстную субботу — в тот день, когда в церкви идет служба, посвященная воспоминаниям о погребении Иисуса Христа. На той неделе, о которой пишет Алексей Михайлович, происходят торжественные события — распятие и погребение Христа и отшествие к богу патриарха Российского. Первое — как ежегодно повторяющийся ритуал, всегда живой и заново переживаемый, второе — как реальная смерть близкого царю человека. Если в сюжете служб Страстной недели все предопределено заранее, что чем кончится, как должны развиваться события, так, что сама эта предопределенность приносит удовлетворение и вызывает из года в год повторяющиеся религиозные чувства, то хода болезни Иосифа предусмотреть было невозможно: она протекала по своим, никому не известным законам.

Поэтому царь не только напоминает об этом поразительном совпадении, но и сожалеет о том, что так произошло: болезнь и смерть Иосифа все время сбивают службы Страстной недели. Сам патриарх уже не может служить в соборе, назначая вместо себя Казанского митрополита Корнилия и других иерархов; он отвлекает внимание царя от богослужения, о чем царь сообщает Никону, прося у него прощения за этот «грех»: «и меня прости, великий святитель, и первой час велел без себя отпевать, а сам в небольших людях побегал к нему» (162); смерть Иосифа вынуждает изменить часы страстных служб: «и мы велели обедню петь раннюю, чтоб причастить» (164); «так мы по ранее обедню ту, положась на волю Божию, для того и велели в пятом часу дни благовестить» (171). С другой стороны, богослужения Страстной недели как бы препятствуют умирающему «отойти к богу» по всем правилам религиозного обряда, так как власти, которые должны присутствовать при соборовании, заняты в службе: «а у него (патриарха. — *Е.Д.*) толке протодьякон, да отец духовной, да Иван Кокошилов со мною пришел, да келейник Ферапонт <...> а опричь того ни отнюдь никого нет» (163); «Да мы с Резанским да сели думать, как причащать ли его топеру или нет; а се ждали Казанского и прочих властей» (164). Таинство елеосвящения по обычаю должно совершаться семью священниками, но в случае крайней нужды оно может быть совершено и одним священником, что однако было крайне не желательно, так как умирающий был лицом высшего церковного сана*. Потому и раздумывает Алексей

* См.: *Вениамин, арх.* Новая скрижаль, или объяснение о церкви, литургии, о всех службах и утварях церковных. Изд. 15-е. СПб., 1891. С. 382–383.

Михайлович, ждать других или же начинать обряд единственному присутствующему здесь митрополиту Рязанскому Мисаилу. Прибежавшие со службы власти причащают Иосифа в спешке, опасаясь, что он может умереть, не успев причаститься. Случайное совпадение времени смерти патриарха и страстной недели нарушило как богослужение, так и обряды, связанные с отходом тела и смертью патриарха. Все эти нарушения отмечаются царем в его отчете Никону.

Но правильному соблюдению обряда мешает и другое обстоятельство — протекание болезни патриарха и его скоропостижная смерть. Это обстоятельство постоянно приходится учитывать царю. Алексей Михайлович пишет, что когда Иосиф заболел, болезнь его была воспринята как обычная лихорадка: «да с тех мест и заболел лихорадкою» (158). Иосиф сам говорит об этом царю вечером в среду. Эта видимость лихорадки обманула и царя, который так и не решился, думая, что болезнь преходящая, спросить у Иосифа насчет его духовного завещания: «Я чаял, что впрям трясавица, ан впрям смертная» (161). Алексей Михайлович просит у Никона прощения за это свое упущение, говоря, что он и собирался спросить о духовной да побоялся гнева патриарха: «и ты меня грешного прости, великий святитель и равноапостолом богомолец наш преосвященная главо, в том, что яз ему не вспомянул о духовной, и кому душу свою прикажет, и что про келейную казну прикажет <...> и помышлял себе, что гораздо болен, да положился на то, что знобит больно, тот-то он и без памяти; а се и то мне на ум пришло великое сумнение: болезнь та на нем тресавишная, а мне молвить про духовную ту, и помнѣть, вот де меня избывает, да станет сердечно гневаться» (160–161). Положившись на то, что у Иосифа простая лихорадка и надеясь побывать у него утром в четверг, царь просчитался: Иосиф так и умирает, не оставив завещания. И именно поэтому впоследствии царь берется сам «строить его душу», боясь, что другие растащат все многочисленное неописанное имение патриарха: «все б раскрали», — пишет он Никону.

То состояние, в котором находится умирающий, нарушает и обряды, связанные с отходом тела. В четверг утром Иосиф находится уже почти в бессознательном состоянии — «в нецевелье». Об этом сообщают царю, и он бежит к патриарху, которого в это время «поновлял» духовный отец. На вопрос Алексея Михайловича, как прошло исповедание, духовный отец отвечает: «гораздо де тупо понавливался, чуть де намечал» (163–164). Во всем дальнейшем ходе обрядового действия Иосиф практически никакого участия не принимает: за него просит прощения духовный отец, присутствующим приходится силой разжимать ему челюсти для принятия «святых

частей» («а как пожаловали части и ему уста разжимал протоиерей, и он государь без памяти лежал» — 165); при освящении больного елеем его держит за левую руку духовник — «опадывает рука та добре» (165).

Приводит Алексей Михайлович и все нарушения чинности отпевания и погребения патриарха, причиной которых явилось рано начавшееся разложение его тела. Уже вечером в пятницу, то есть через сутки с небольшим после смерти, тело его «почало пухнуть», что страшно напугало читавшего над ним псалмы священника и царя, пришедшего вечером в пятницу проститься с патриархом. Потом у покойника «треснуло во устах и нежид» (сукровица) пошел и «дух почал великой быть». «Нежид течмя» шел всю ночь, так что стали опасаться, что патриарх будет иметь к погребению неприличествующий ему вид. И тогда царь велит чудовскому келарю «тайно повертеть в ногах». И за это свое «прегрешение» Алексей Михайлович просит у Никона прощение: «и меня прости, владыко святой, велел тайно ему одному да отцу его духовному, знаменскому игумену, повертеть в ногах, и шел нежид во всю ночь, течмя шол, мы чаяли, что и не престанет» (170–171). Но «к денным часам субботы великой» «нежид» наконец перестал идти. Иосифа спешат скорее похоронить (из-за этого и обедню велели благовестить в пятом часу дня: «блюлись того: человек сырой: а се не вылежал не выболел, блюлись долго не хоронить» (171).

И наконец, совершилось еще одно нарушение: Иосифа погребли без церковного звона, в то время как других патриархов погребали со звоном — все пребыли в ужасе и спешке: «Да такой грех, владыко святой, погребли без звону: все позабыли в страсе; и я вспамятовал, как почали поклоны класть за него, так я велел звонить после погребения доколе мы все поклоны клали, а в ту пору звонили, а прежних патриархов со звоном погребали» (173).

Таким образом, внимание Алексея Михайловича направлено на то, чтобы как можно более точно описать обряды, связанные с отходом патриарха и погребением его тела. Но при этом он обязательно указывает и на случившиеся нарушения ритуала, скорбя по этому поводу и прося у Никона прощения. Нарушения эти произошли из-за совпадения служб Страстной недели с болезнью и смертью патриарха, а также с особенностью его скоротечной болезни и рано начавшимся разложением трупа.

Эта особенность статейного списка, состоящая в фиксации внимания автора на всевозможных отклонениях от нормы и нарушениях ее, прослеживается на протяжении всего текста. В результате такого творческого задания, обусловленного исповедальным характером

сочинения и отчетностью его формы, Алексей Михайлович создает текст, ориентированный на нарушение литературных норм, отчего он более походит на тексты новой литературы, чем на канонические тексты древней русской письменности*. Ревностный поборник этикета, Алексей Михайлович не только свято блюдет правила письма, но и сам создает их в тех областях, где их еще не было. Каким же образом могло получиться, что в статейном списке царь выступил в ином облике, который, казалось бы, противоречил его сущности? Статейный список не является по своей сути произведением, выходящим за рамки традиционного мышления царя. Зная, как нужно писать и как должны протекать описываемые события, Алексей Михайлович проектирует свое изложение на некий идеальный поведенческий конструкт, наличествующий в его сознании. Это и явилось приемом выявления нарушений, произошедших в действительности, которые составляют для царя суть «греха». Фиксация отклонения от норм здесь, таким образом, выступает не как новаторство, а как стремление указать на греховность дел, свершившихся в Москве за время отсутствия Никона.

Для пояснения этой мысли приведем пример. Вот царь описывает последние минуты жизни патриарха Иосифа: «повел очами теми вверх да почал сказно того жаться к стене; <...> почал пристально и быстро смотреть, <...> а смотрел с четверть часа быстро созддом, а смотрит все в потолок знатно то что видит, и почал руками закрываться и жаться к стене то и в угол, как стену ту не выломит, и руки те вырвал у протопопа, да почал закрываться, да закричал великим гласом, а неведомо что, да почал хорониться и жаться добре в угол; походило добре на то, как к то кого бьет, а кого бьют, так тот закрывается, так то над ним святителем было; да затрясся весь в ту пору и плакать почал и кричать так же, а смотрит вверх; да было того с полчетверти часа» (165–166).

Для современного читателя процитированный отрывок представляет одно из самых сильных описаний агонии, на два века предшествующее опыту психологических описаний реалистической литературы**. Для Алексея Михайловича существует единственная возможность трактовки поведения патриарха — это поведение

* О различии источников информативности канонического и внеканонического искусства см.: *Лотман Ю. М.* Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сб. статей. М., 1973. С. 16–22.

** Ср. с описанием агонии в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», где умирающему герою кажется, что его засовывают в черный мешок, а он изо всех сил отбивается и кричит.

человека, видящего предсмертное видение: «и я узнал, что он видение видит; не упомню где я читал: перед разлучением души от тела видит человек вся своя добрые и злые дела» (165–166). Мнение это было достаточно распространено и подкреплялось многочисленной литературой. Одним из возможных источников его могло послужить широко распространенное на Руси и входившее в состав Четых Миней «Житие Василия Нового», в котором приводится посмертный рассказ Феодоры⁴ о том, что она видела перед смертью. В этом рассказе особенно характерны жесты, движения, динамика взгляда Феодоры, во многом совпадающее с поведением умирающего Иосифа*. Недоверие духовников царя и патриарха к подобному объяснению того, чему они были свидетелями, для Алексея Михайловича недопустимо: «и молвил я отцу его духовному, — пишет царь, — видит отец наш некое видение»; и он молвил: «нет де, полна де, в нецевенье так смотрит»; и я молвил: «смотри что́ будет, и сам не знаешь, что́ говоришь»; и я отцу духовному сказал, что видит некое видение, и он молвил: «видит де нечто» (166). Духовник патриарха, таким образом, полностью отвергает мысль о видении, ссылаясь на бессознательное состояние умирающего, духовный отец царя отвечает весьма уклончиво, не присоединившись полностью к мнению Алексея Михайловича. Оба они тем самым компрометируют себя в глазах царя, о чем он сообщает Никону. Подобное толкование поведения патриарха может быть объяснено только традиционностью мышления царя: для него — осознание явления, проникновение в его сущность аналогично нахождению ему места в системе религиозных христианских представлений**. И в этом отношении послание Алексея Михайловича Никону не выпадает из рамок традиционной письменности.

И все же статейный список Алексея Михайловича является произведением, по многим своим признакам характерным для переходного XVII века. Д. С. Лихачев дает обстоятельный анализ тех особенностей письменности XVII века, которые знаменуют переход древней русской литературы к новой***. Многие из этих особенностей можно обнаружить в послании Алексея Михайловича. Царь

* *Вилинский С.Г.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2. Тексты жития. Одесса, 1911. С. 415 (1-я ред.), С. 757 (2-я ред.). Во второй редакции это изображение особенно выразительно.

** Ср. с объяснением смысла предсмертного взгляда Феодосия Печерского в его Житии; «Се бо яко же разумети есть, яко видение неко есть виде, сице нарече» (*Абрамович Д.И.* Киево-Печерский патерик». Київ, 1930. С. 74.

*** См.: *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973.

показал себя в нем писателем, невольно отозвавшимся на ритм времени и включившимся в него. Это сказалось, прежде всего, в том, что он обратился к написанию воспоминаний о событиях полуторамесячной давности, в которых отчетливо проступает автобиографический элемент. И, несмотря на то, что автобиографизм, как мы стремились показать, не был для царя самоцелью, он повлек за собой все те черты, которые были характерны для мемуарной и автобиографической литературы XVII века, и прежде всего — проявившуюся в тексте тенденцию к самовыявлению. Он много пишет о себе, своих взглядах на события, объясняет свои действия, и все это делает с целью самооправдания перед Никоном. Царь индивидуализирует не только себя, но и других действующих лиц своего повествования, что, прежде всего, касается патриарха Иосифа. «Человек все более начинает восприниматься как конкретный индивидуум в сложной “раме” быта и общества», — пишет Д. С. Лихачев о литературе XVII века*. Именно в таком аспекте изображен в статейном списке умирающий патриарх — основное лицо повествования Алексея Михайловича. Иерарх церкви, как бы обязанный умирать по законам, предписанным ему каноном, показан как человек, имеющий свою индивидуальную, ни на кого не похожую судьбу. И даже раннее разложение трупа не является для царя чем-то компрометирующим Иосифа и его жизнь. Царя смущает только возможная реакция окружающих на этот факт: «ведомо, владыко святыи, тело перстно есть да мы малодушнии тотчас станем осуждать да переговаривать» (171)**.

Характерна и та речь, которой наделяется Иосиф. Она, видимо, близка к действительно произнесенным Иосифом словам. (Документальность статейного списка несомненна). Иосиф, находясь в роли отходящего к Богу патриарха всея Руси, не произносит ни единой фразы, приличествующей ему в данной ситуации. Он говорит в основном только о своей болезни («знать де что врагуша трясет и губы окинула, чаю де что покинет, и летось так же было» — 160), причем произносит эти фразы то «скрозь зубы», то «с забытью, а иное замолчит, да долго не говорит» (160). Снижение персонажа привело, таким образом, к снижению его речи. Она становится бытовой, разговорной, обусловленной тем состоянием, в котором находится патриарх. Такова речь и царя, и того протодьякона, который прибежал в церковь звать царя к умирающему патриарху, и священника,

* Там же. С. 146.

** Вспомним в «Братьях Карамазове» городской слух о рано «протухшем» теле старца Зосимы.

читавшего над покойным Псалтырь. Такова, наконец, и речь самого автора, представляющая собой непрерывный поток, в котором события развертываются с той беспорядочностью, с которой доходили они до сознания Алексея Михайловича.

Таким образом, сочинение царя, имевшее своей первичной целью если не соблюсти традицию, то, во всяком случае, фиксацией нарушений, поддержать ее, превращается в произведение мемуарного жанра со всеми вытекающими из этого последствиями. И в данном случае не имеет значения тот факт, что статейный список адресовался одному человеку; так или иначе, но в нем проявились черты, свойственные эпохе, на которую пришлось царствование Алексея Михайловича. «Тишайший царь», строгий последователь высокой церковной традиции, на этот раз создает текст, созвучный своему времени или даже опережающий его.

Царь Алексей Михайлович как писатель (Постановка проблемы)

Бысть же и во словесех премудрости ритор естествословесен и смышлением скороумен.

*Изборник славянских и русских сочинений и статей,
внесенных в хронографы русской редакции.
Собрал и ведал Андрей Попов. М., 1869. С. 211.*

Царствование Алексея Михайловича пришлось на тот век, «в котором смешались архаические явления с новыми.., в котором прочно укоренившиеся за шесть веков литературные жанры легко уживались с новыми формами литературы»*. И трудно найти лицо, ярче отразившее в себе обе эти тенденции переходного XVII в., чем царь Алексей: «Одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении»**. О том, как это свойство сказывалось на поведении «тишайшего» государя, на его внешней и внутренней политике, писалось неоднократно.

* Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 138.

** Ключевский В.О. Соч. Т. 3. М., 1957. С. 320.

Но это же свойство можно проследить и в литературной деятельности Алексея Михайловича, к которой он имел несомненную склонность*.

Объем литературного творчества Алексея Михайловича неожиданно велик и разнообразен. Царь, как показывают многие материалы, не только любил писать и нередко писал до усталости**, но и относился к своему процессу писания творчески. Прежде всего, это проявилось в обширном эпистолярном наследии, оставшемся после него и до сих пор недостаточно хорошо изученном. Историки опирались на письма Алексея Михайловича, черпая в них богатый и занимательный материал для описания природы царя и его взаимоотношений с близкими ему людьми***. Попутно, но именно попутно, они давали характеристику литературной манеры этих писем, не останавливаясь, однако, внимания на том, как эта манера могла возникнуть и что она собою представляет. Алексей Михайлович, владея в совершенстве эпистолярным канонам XVII в., о чем свидетельствуют хотя бы его письма семье****, тем не менее, часто ломает рамки привычного для его времени жанра частного письма, обнаруживая склонность к тому стилю, который сформировался позже в писаниях русских старообрядцев*****.

* О влечении Алексея Михайловича к литературному творчеству см.: *Медовиков П.* Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. V–VI. М., 1961; *Платонов С.* Царь Алексей Михайлович. Опыт характеристики // Исторический вестник. 1886. Май; *Заозерский А. И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917, и др.

** См. письмо Алексея Михайловича Никону от 25 мая 1652 г. (Собрание писем царя Алексея Михайловича. Издал Петр Бартенев. М., 1856. С. 210).

*** *Зернин А.* Царь Алексей Михайлович. Историческая характеристика из внутренней истории России XVII столетия // Москвитянин. 1854. № 17; *Забелин И.* Черты русской жизни в XVII столетии // Отечественные записки. 1857. Т. CX; *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. IV. XVII столетие. СПб., 1874; *Хмыров М.* Царь Алексей Михайлович и его время. Правоописательный очерк // Древняя и новая Россия. 1875. Окт., и др.

**** См.: Письма русских государей и других особ царского семейства. V. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896.

***** О стиле старообрядческой литературы XVII в. см.: *Виноградов В. В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь. I. Пг., 1923; *Еремин И. П.* Русская литература и ее язык на рубеже XVII–XVIII вв. // Еремин И. П. Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966; *Робинсон А. Н.* Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI–XVII века. (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971.

В исследовательской литературе отмечалось, что XVII век дал большое число автобиографических сочинений, столь редких для ранних веков древней русской письменности. Своего рода подступом к ним можно считать «Дневальные записки приказа Тайных Дел», представлявшие собой поденную хронику частной жизни царя, инициатива ведения которых, безусловно, принадлежала самому Алексею Михайловичу*. Вид дневниковой записи имеет и знаменитый «Статейный список» Алексея Михайловича, написанный в мае 1652 г., — произведение единственное в своем жанре. Царь Алексей, отвечая на поставленный Никоном вопрос, подробнейшим образом описывает перенесение мощей патриарха Иова из Старицы в Москву, болезнь и смерть патриарха Иосифа и свою деятельность в роли душеприказчика покойного патриарха. Собственно статейным списком, которые в то время представляли письменные отчеты русских послов о выполнении поручений, произведение Алексея Михайловича назвать нельзя, однако с ними его роднит отчетная форма, внесение в текст мельчайших подробностей, сопутствующих описываемым событиям, живая манера изложения, психологическая убедительность**. Но самым ценным в этом произведении Алексея Михайловича является, на мой взгляд, та степень «самовыявления»***, на которую рискнул «всея Руси самодержец».

Весьма важным свидетельством литературной деятельности царя Алексея представляются сведения о его попытках написать мемуары Польской войны****. Эти наброски так и остались незаконченными, но этот факт позволяет видеть в Алексее Михайловиче историка-мемуариста, продолжателя традиции исторических повествователей начала XVII в.

О новом, и, безусловно, эстетическом, взгляде на делопроизводство говорит отношение царя Алексея к бумагам, исходящим от его имени. Ни один государь до него не принимал в такой степени личного участия в самом процессе делопроизводства. В первую очередь это можно увидеть в материалах приказа Тайных Дел. И. Я. Гурлянд, задавшись целью восстановить историю возникновения приказа, показывает процесс

* См.: Дневальные записки приказа Тайных Дел 7165–7183 гг. С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1908. Кн. 1, 2.

** О форме статейных списков см.: Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.

*** О тенденции к самовыявлению, характерной для многих авторов XVII в., пишет Д. С. Лихачев. См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. С. 145.

**** См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. С. 616; Платонов С. Царь Алексей Михайлович. С. 268, и др.

производства документов в самом приказе и в той канцелярии, которая, по его мнению, существовала при царе еще до официального учреждения приказа: «Иное царь писал сам, иное по имевшимся уже образцам, или под диктовку царя, или по общему замыслу царя должны были писать постепенно привыкшие работать при царе и с царем писцы, а когда написанное или переписанное докладывалось царю, царь иногда все переделывал заново»*. Нередко Алексея Михайловича удовлетворял только третий или даже четвертый вариант документа, но и в таком списке он «находил нужным вставить фразу, зачеркнуть слово, переставить один абзац на место другого»**. Образцы, по которым писались бумаги, составлял сам Алексей Михайлович, а потом, видя в документе несоответствие форме, исправлял его, доводя до совершенства. Для того чтобы лучше понять характер правки, ее цель и ту роль, которую царь брал в этом деле на себя, следует более обстоятельно изучить бумаги Тайного приказа. Пока можно сказать только одно: правка царя нередко носила чисто стилистический характер, что является иллюстрацией особого, эстетического, его подхода к делопроизводству.

Та же любовь к «благочинию» и «устроению» обнаруживается и в отношении Алексея Михайловича к соколиной охоте. По его указанию и с его несомненным участием был составлен «Урядник сокольничья пути» — произведение, введенное уже в научный обиход как памятник литературы***. Роль царя Алексея в составлении «Урядника» выяснена недостаточно, неизвестна и степень оригинальности самого «Урядника». Был ли Алексей Михайлович редактором, консультантом или соавтором в его составлении, сейчас сказать трудно, но то, что «Урядник» может служить иллюстрацией литературной манеры царя, его эстетического вкуса и умозрения, несомненно.

Было бы явной натяжкой говорить о роли Алексея Михайловича в истории русского стихотворства. Однако мне представляется не лишним напомнить здесь о том, что царь Алексей пробовал себя и в этой области литературы, проявив тем самым чуткость к веяни-

* Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных Дел. Ярославль, 1902. С. 63.

** Там же.

*** «Урядник сокольничья пути» издавался несколько раз, и в частности П. Бартевевым в «Собрании писем царя Алексея Михайловича» (М., 1856). Отрывки из «Урядника» с примечаниями М. А. Салминой см.: Изборник. М., 1969. О мировоззрении Алексея Михайловича, отразившемся в «Уряднике», см.: Забелин И. Черты русской жизни в XVII столетии. С. 338–339; об «Уряднике» в связи с общей театрализацией придворного быта см.: Державина О. А., Демин А. С., Робинсон А. Н. Появление театра и драматургии в России XVII в. // Первые пьесы русского театра. Издание подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская, под ред. А. Н. Робинсона. М., 1972. С. 51–55.

ям переходного века. Известно также то письмо с использованием «акростишного принципа», которое Алексей Михайлович написал своему другу и соратнику по соколиной охоте Матюшкину*.

Наконец, Алексей Михайлович, знаток церковного устава и религиозной литературы, вырисовывается и как духовный писатель. Это его свойство выявилось в молебном послании, адресованном мощам Филиппа митрополита, в котором он испрашивал прощение за прегрешения своего предка Ивана Грозного**. Послание это написано, видимо, не без влияния аналогичного письма императора Феодосия¹ мощам Иоанна Златоуста, изгнанного с родины матерью Феодосия Евдокией, которое было известно древнерусскому читателю по Четым Минеям. Текст послания обнаруживает в царе Алексее умелое владение нормами этикета церковной литературы и художественное чутье духовного писателя. Это же свойство проявилось и в составлении либо самим царем, либо по его указке новой редакции «Сказания об успении Богородицы», рукопись которой хранится среди бумаг приказа Тайных Дел. Историю создания этого текста тщательно описал С. А. Белокуров, перечислив все исправления царя, показав, какими списками пользовался редактор, какого рода правка собственноручно внесена Алексеем Михайловичем. В заключение С. А. Белокуров пишет: «...найденное мною сказание об успении пресв. Богородицы весьма любопытно и как новое литературное произведение, указывающее па процесс своего составления, и как произведение царя Алексея, дающее ему право на звание духовного писателя»***.

Список литературных трудов Алексея Михайловича легко может быть продолжен. Я же в своей статье, не претендуя на полный обзор всего написанного, правленного и составленного по указке царя, постаралась лишь показать широту его литературной деятельности и умение работать в разных, для других писателей часто не сопрягаемых жанрах деловой, исторической и духовной литературы. Литературная деятельность Алексея Михайловича заслуживает специального и подробного исследования.

* Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 68–69.

** Оубл.: СГГД. Ч. III. М., 1822. С. 471–472.

*** Белокуров С. А. Сказание об успении пресв. Богородицы, правленное царем Алексеем // Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 23.